

Цзинь Гуанъяо спросил:

— Правда? А когда вы обычно проходите мимо, замечали ли что-то необычное?

— Нет, ничего.

Лань Сичэнь протянул жене старосты мешочек с благовониями:

— Вы не узнаете этот мешочек?

Жена старосты взяла его и внимательно осмотрела, затем вздрогнула:

— Откуда у вас этот мешочек?

— Что случилось? Что-то не так?

— Этот мешочек вышила Цзиньмин, её рукоделие я не спутаю ни с чьим другим. Это точно её работа.

Они обменялись понимающими взглядами.

Цзинь Гуанъяо сказал:

— Сегодня спасибо, извините за беспокойство.

Староста ответил:

— Не стоит извинений, надеюсь, мы смогли вам помочь. Мастер Лань, мастер Се, умоляю вас, помогите нашему селу избавиться от этого существа, иначе все живут в постоянном страхе, не зная покоя.

Лань Сичэнь заверил:

— Не беспокойтесь, мы обязательно его поймем.

— Спасибо, спасибо.

Лань Сичэнь и Цзинь Гуанъяо вышли из дома старосты и направились к дому Гэн Ба.

Они шли молча, каждый погружённый в свои мысли.

Лань Сичэнь сказал:

— Похоже, то, что находится под деревом жакаранды, — это Лян Е.

Цзинь Гуанъяо остановился и вопросительно посмотрел на него.

— Обида — это привязанность умершего к чему-то или кому-то из прошлой жизни, большая или маленькая. Цзи Тин засыпал озеро, и тело Лян Е, несомненно, было похоронено под ним. Дерево жакаранды как раз посажено на месте его смерти, а этот мешочек я нашёл в пещере, когда сражался с этим существом. Получается, что в пещере был именно Лян Е, но он не использовал духовное тело, не превратился в ходячего мертвеца, а атаковал лозами. Боюсь...

Цзинь Гуанъяо вдруг понял:

— Он привязал свою душу к дереву.

— Да, но обычные обиженные духи не привязывают себя к безжизненным предметам, это ограничивает их действия. Как же они могут исполнить свои желания? Он был заперт, не мог освободиться и был вынужден привязать свою душу к дереву жакаранды.

— Заперт?

— Именно. Что именно произошло, знает только сам Лян Е.

— Похоже, завтра нам придётся снова посетить дом Цзи.

После короткого молчания Цзинь Гуанъяо вдруг спросил:

— Лань Сичэнь, ты знаешь, что символизирует дерево жакаранды?

Лань Сичэнь остановился и посмотрел на него:

— Что оно символизирует?

— Ожидание любви в отчаянии.

Лань Сичэнь вздрогнул:

— Откуда ты это знаешь?

— Вчера я спросил Цзиньмин, и она выглядела очень грустной, словно вспоминала что-то. Сегодня, услышав слова жены старосты, я, кажется, понял.

Он подошёл к дереву жакаранды и сел под ним.

— Она не отпустила Лян Е, она всегда любила его. Что касается Цзи Тина, она испытывала к нему благодарность. В самые трудные и беспомощные моменты именно он поддерживал её, никогда ничего не требуя взамен. Для неё лучшей благодарностью было отдать себя ему.

— Ты видел её всего один раз, как можешь так говорить?

— Жена старосты говорила, что Цзиньмин не была жадной или бессердечной, иначе она бы не заболела после смерти Лян Е. Когда я проверял её пульс, я действительно обнаружил, что её сердце сковано печалью, она слишком много думает.

Цзинь Гуаньяо глубоко вздохнул:

— Самое трудное для лечения — это не редкие болезни, а болезни сердца. Если у человека нет желания жить, никакие внешние усилия не помогут. Даже если удастся удержать его на какое-то время, это не продлится вечно. Лян Е умер, и её сердце умерло вместе с ним. Надежды не осталось, осталось только отчаяние. Любовь для неё стала роскошью.

Цзинь Гуаньяо сам не понимал, почему он постоянно вспоминал сон, который видел прошлой ночью. Сердце сжалось, и он поднял голову, чтобы спросить Лань Сичэня:

— Лань Сичэнь, у тебя есть кто-то, кого ты любишь?

Лань Сичэнь посмотрел на Цзинь Гуаньяо при лунном свете и долго молчал. Цзинь Гуаньяо ждал, потом, словно что-то вспомнив, усмехнулся и встал, отряхивая одежду.

— Эх, вот память у меня. Вы, люди клана Лань, все такие воздержанные, а уж ты, как глава клана, наверное, даже руку девушки не держал, не то что любил кого-то.

Лань Сичэнь опустил глаза, уголки его губ слегка приподнялись.

Любимый человек, ха, есть.

Цзинь Гуаньяо встал и пошёл обратно, размышляя о чём-то, не замечая Лань Сичэня, который молча следовал за ним, глядя на его спину. Луна висела высоко в небе, и в лесу жакаранды две тени тесно переплетались, одна длинная, другая короткая, не спеша, словно так было уже давно. Только раньше тот, кто следовал сзади, был не Лань Сичэнем.

Если бы это могло продолжаться вечно... Се Вэньяо, ты ли это на самом деле...

Пройдя через лес, они вскоре оказались у дома Гэн Ба. Цзинь Гуаньяо уже собирался войти, как вдруг Лань Сичэнь окликнул его:

— Се Вэньяо.

Цзинь Гуанъяо очнулся и растерянно посмотрел на него. Лань Сичэнь шагнул вперёд, оказавшись прямо перед ним, на расстоянии полшага. Цзинь Гуанъяо отчётливо чувствовал его запах. Высокая фигура Лань Сичэня полностью затмила его, и он поднял руку, чтобы снять с головы Цзинь Гуанъяо лепесток жакаранды, затем отступил на шаг и раскрыл ладонь, на которой лежал ярко-красный лепесток.

— Вот, упал на тебя.

Услышав, как Лань Сичэнь зовёт его, Цзинь Гуанъяо замер, не пытаясь уклониться.

— Спасибо.

Сказав это, они вместе вошли в дом. Цзинь Гуанъяо не решался смотреть на него, не понимая, что это за чувство охватило его.

Они вернулись слишком поздно, все уже спали. Младшие, уставшие за день, тоже крепко спали. Войдя, они осмотрели их.

Места было мало, и они лежали вплотную друг к другу. Цзинь Лин уткнулся головой в грудь Лань Сычжуй, прижавшись всем телом, одна рука лежала на его талии, а нога — на его ноге. Поза была не самой изящной. Лань Сычжуй, казалось, боялся, что он упадёт, и обнимал его за плечо, спал спокойно. Се Минхуэй и Лань Цзинъи выглядели лучше. Лань Цзинъи лежал на руке Се Минхуэя, который был выше его на полголовы, и они спали, словно обнявшись.

Увидев это, они аккуратно поправили сбившиеся одеяла и вышли.

Выйдя во двор, Цзинь Гуанъяо машинально направился к своей комнате, где спал утром, а Лань Сичэнь остался стоять во дворе, не двигаясь. Цзинь Гуанъяо, пройдя половину пути, заметил, что Лань Сичэнь не пошёл за ним, и уже хотел спросить, но, взглянув на пустой двор, вдруг понял, что осталась только одна комната.

Что делать? Неужели мне придётся спать с ним? Нет, я сплю беспокойно, вдруг я его сброшу с кровати?

В голове раздался голос.

[Система]: Это просто. Уступи ему комнату.

Цзинь Гуанъяо загорелся.

Точно, как я мог забыть? Я крепкий, мне всё равно, а Лань Сичэнь не справится. Да, так и сделаю.

Цзинь Гуанъяо обернулся, чтобы заговорить, но Лань Сичэнь вдруг сказал:

— Пойдём.

Цзинь Гуанъяо удивился:

— Куда?

— В комнату, ветер холодный, не простудись.

С этими словами он взял Цзинь Гуанъяо за руку и повёл в дом.

Цзинь Гуанъяо не успел опомниться, как Лань Сичэнь уже втолкнул его в комнату, усадил на кровать и, не говоря ни слова, закатал ему штанину. Цзинь Гуанъяо в ужасе воскликнул:

— Что ты делаешь?!

— Твоя рана на ноге ещё не зажила, нужно каждый день менять повязку.

<http://bllate.org/book/15301/1350139>